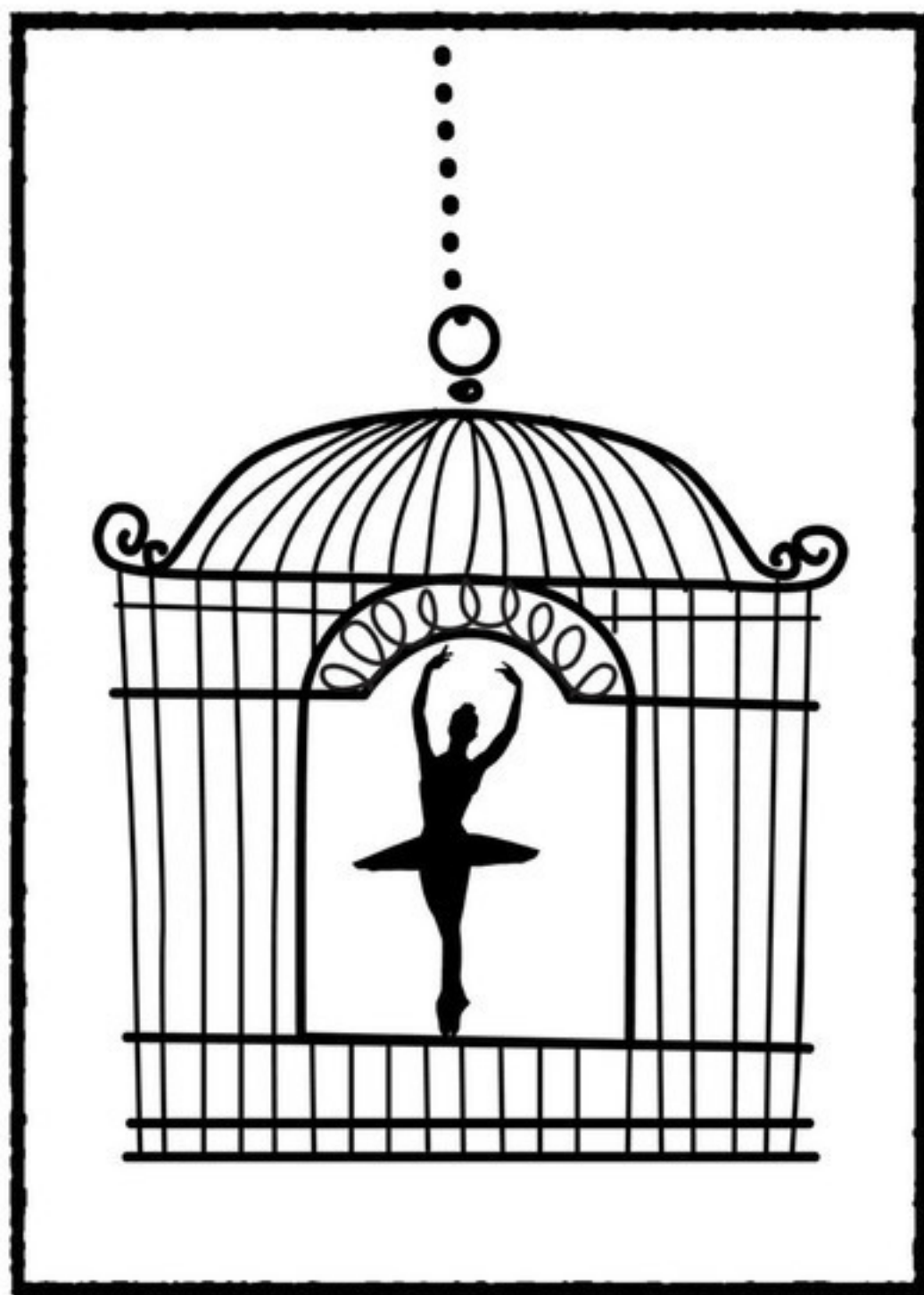

МИХАИЛ ФИШЕР

НОЧЬ

За РЕШЕЧАТОМ ОКНОМ

Михаил Фишер

Ночь за решётчатым окном

«Издательские решения»

2014

Фишер М.

Ночь за решётчатым окном / М. Фишер — «Издательские решения», 2014

Новелла М. Фишера «Ночь за решётчатым окном» – это история о потерянной мечте, слепой вере в счастливое будущее, граничащей с безумием. Как сделать шаг прижатым к стене? Как решить: в дверь или в окно? Все точки над «И» уже расставлены. Налитый незнакомцем бокал оказывается последним и больше нет вопроса танцевать или не танцевать. Танцевать!

Содержание

Вонь. Письма ждете. Открытки. Красной смородины	6
Вопли. Отдыхайте. На курорт. Интересная любовь	7
Конец. Скучаю. Играете? Конечно позвоню. Выход	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Ночь за решётчатым окном

Михаил Фишер

© Михаил Фишер, 2014

© Дмитрий Соколов, дизайн обложки, 2014

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Вонь. Письма ждете. Открытки. Красной смородины

Сырость медленно, исподтишка съедала пространство этой маленькой комнаты. Люстра на потолке давно утратила плафоны, и только в одном рожке, единственным сохранившимся зубом, торчала лампочка. Тусклое освещение скрывало дефекты мебели, пыль и почерневшие снизу обои. Запах скипидара и табачного дыма бил в нос каждому вошедшему в эту комнату, трехлитровая банка сквашенного молока на подоконнике, два горшка с душистой геранью и целая батарея пузырьков с лекарствами вместе образовывали непереносимую для впервые оказавшегося здесь человека вонь. Громоздкий черно-белый телевизор вещал то о печальных событиях в стране, то вранье об улучшении благосостояния народа. Стопочкой у старого просиженного кресла лежали выцветшие открытки, записки, рецепты врача. Часов в этой комнате никогда не было, время здесь никого не интересовало так же, как и число. Какой смысл следить за тем, как уходит жизнь с каждым движением стрелки на циферблате. В углу стояла односпальная кровать с темно-коричневыми спинками из полированного дерева, а, скорей, из спрессованных опилок, с отколотым углом. Серая, застиранная постель в мелкий голубой цветочек была не заправлена, на полу рядом – тарелка с хлебом и банка варенья из красной смородины.

– Может, вам чаю, – спросила только что вошедшая пожилая женщина в коричневом трикотажном халате на пуговицах.

– Нет, спасибо.

– Сколько раз я вас просила выключать телевизор, если вы его не смотрите, ведь электричество в прошлом месяце намотало черт знает на сколько, – женщина подошла к старому телевизору и выдернула его из розетки. – Что вы все в окно смотрите, кого вы там ждете?

– Мне должна прийти открытка, я вот смотрю, не несут ли.

– Господи Боже, – возмутилась женщина, – вы ее лет десять ждете, если не больше. Может, ваш автор уже помер давно, а вы все в окно выглядываете. Давайте я разотру вам ноги и пойду собираться на работу. А вы ложитесь потом, уснете ведь, как всегда, в кресле, да еще и свалитесь не дай Бог, костей ваших по комнате не соберешь.

– Да, я лягу. Разотрите меня и принесите водички. Только свет не выключайте, я сама потом выключу.

– Ага, знаю я, как вы выключите. Завтра утром приду, а он горит всюю. Это же надо, семьдесят киловатт нагорело за сентябрь. Как? А я скажу вам как! Вот эти ваши посиделки по ночам, то книжку читаете, то спите со светом. То телевизор неизвестно для кого целыми днями мотает. Конечно, набежало столько. Да бросьте вы туда смотреть, – раздраженно сказала женщина и задернула шторы, – давайте вашу ногу, буду растирать, да мне собираться надо. Провозишься тут с вами, на работу опоздаешь, потом выслушиваешь от этой скотины начальника. Да вам-то что, Господи, сидите все, открытку ждете. Кому вы, кроме меня, нужны, мне вон каждый месяц письма пишут, то из водоканала, то из ЖКХ квартплату шлют. А она все ждет. Дождалась уже семьдесят киловатт на мою голову.

Вопли. Отдыхайте. На курорт. Интересная любовь

– Здравствуйте, Елена Павловна.

– Зоинька, здравствуйте. Здравствуйтесь, дорогая.

– Как вы себя чувствуете? Как спалось?– девушка подкатила стойку для капельницы с подвешенным флаконом пятипроцентного раствора глюкозы к кровати,– ну, приступим,– сказала она и перевязала руку резиновым жгутом.

– Мне уже лучше, доктор утром сказал, что через недельку, скорее всего, меня выпишут.

– Ну вот,– девушка зафиксировала положение иглы в вене лейкопластырем,– все готово.

– Зоинька, вы принесли мне книгу?

– Ой, Елена Павловна, совсем забыла. Поздно пришла вчера домой, пока одно, другое, совсем вылетело из головы. Завтра я обязательно принесу, сейчас поставлю себе крестик на руке, чтобы не забыть.

– Да нечего! Мне Серафима Игоревна дала на днях что-то современное, но я такое не люблю. Мы к другой литературе привыкли, на которой росли, нынешнее читать нельзя.

– Да, я согласна с вами,– девушка собрала защитные колпачки для игл, вату, бинты и направилась к выходу,– я зайду к вам позже, отдохайте,– сказала она, осматривая палату. На двух кроватях, стоящих у самого выхода, в серо-белых сорочках сидели пожилые женщины и вышивали на пяльцах. Делая стежок за стежком, каждая бормотала что-то, слышное и понятное только ей. Это две сестры-близняшки уже который год лежат в этом диспансере, практически забыв о своей жизни вне этих стен.

– Спасибо, Зоинька. Буду вас ждать. А ко мне никто не приходил? – поинтересовалась старушка.

– Нет. Никого не было. Я скажу вам, если кто-то придет.

– Обязательно! Меня же ученики ждут, мне тут нельзя разлеживаться, экзамены скоро.

– Я передам вам, спите,– стоя в дверях, сказала Зоя.

– Только не забудьте. – Старушка закрыла глаза, и, стараясь не шевелиться, мгновенно погрузилась в сон.

Девушка, выйдя из палаты, направилась в процедурный кабинет. Стены психоневрологического диспансера номер семь были выкрашены в белый цвет примерно лет тридцать назад и сегодня имели гораздо больше оттенков. Зое повезло, она работает в стационаре, где обычно тихо и спокойной, буйные лежат на другом этаже, но крики и вопли больных были слышны и здесь. Подойдя к двери из железных прутьев, она ловко открыла ее и попала в зону для медперсонала.

– Зой, привет!– невысокая женщина лет пятидесяти окликнула ее.

– О, Боже мой, ты меня напугала.

– Я не специально,– с улыбкой ответила женщина,– о чем задумалась?

– Да так, о своем.

– О девичьем?

– Да о каком там девичьем. Я тебя сто лет не видела, ты в отпуске была что ли?– женщины вошли в процедурный кабинет, в котором стоял сильный запах лекарств.

– Зойка, я была в таком отпуске! Первый раз в жизни отдохнула как человек,– лицо Клары Филипповны растянулось в улыбке, а голова слегка запрокинулась назад.

– Давай рассказывай,– с интересом сказала Зоя, хотя слушать истории своей сотрудницы не любила,– я чайник поставлю, не завтракала еще.

– Ой, даже не знаю, с чего начать. В общем, я же взяла еще месяц за свой счет, поехала к матери в Розовку, чтобы забрать ее наконец-то сюда.

– Забрала?

– Завела. Провала там ее хибару, с горем пополам, дали три копейки, но что делать, мне так нужны были деньги. Пока всё сделали, пока оформили. Я хотела все её вещи повыкидывать, но она как встала в позу: это мне нужно, это еще от бабушки, воевала с ней неделю.

– Да уж, старые люди любят цепляться за прошлое,– Зоя разлила чай по кружкам, поставила на стол и села рядом с Кларой Филипповной,– бери печенье.

– Спасибо. В общем, взяла я только книги и всё. Мать скандалила, столько мне нервов вымотала за этот переезд. По приезду я через пару дней устроила её в нашу больницу и наконец-то выдохнула.

– Так ты её сюда положила что ли?

– Ну а куда мне ее везти, Зой, не к себе же в однокомнатную квартиру, я тогда через месяц сама бы в дурку легла.

– Ну и жила бы она себе в своей деревне.

– Так она там одна, братья ее ведь тоже уже не молодые, а сама-то она еле ходит. Тут хоть под присмотром. Ну, слушай! Пока приехали, пока я ее оформила, уложила– устала как собака, отпуск называется. Первый раз в жизни, Зоя, я решила поехать на курорт.

– Куда?

– В Егорово!– с гордостью, смакуя каждую букву, произнесла Клара Филипповна.

– Обалдеть!– Зоя была удивлена этому, так как в их больнице редко кто ездил отдыхать, с теми мизерными зарплатами, что они получали за свою работу, можно было себе позволить раз в год сходить в кино и потом в кафе, скушать мороженое,– как же ты не побоялась одна ехать?

– Зоинька, а с чего ты взяла, что я одна туда поехала?– с улыбкой и кокетством ответила женщина.

– И с кем же ты поехала? Неужели со своей престарелой мамой?

– Да конечно, я что, сумасшедшая что ли. Знаешь Славку из дневного стационара?

– Славку? Что-то не помню.

– Ну, Слава, высокий такой, темненький, он приходит еще к нам по средам, оформляет своих.

– Аааа, Слава! Так, а что он поехал-то с тобой?

– Зоя, как бы тебе так помягче сказать. Любовь у нас со Славкой. Вот!

– Клара, ты в своем уме вообще, ему сколько лет? Он же молоденький совсем.

– Двадцать четыре года!– гордо заявила Клара Филипповна.

– Ты точно сумасшедшая! Зачем ты ему, старая кошёлка, нужна?– Зоя была удивлена и даже немного возмущена от услышанного.

– Ой! Смотри какая, старая кошёлка, значит, есть за что любить, Зоинька! Это ты тут торчишь днями и ночами, а я хочу нормально жить, полной жизнью. Хочу домой спешить не потому, что здесь все достало, а потому, что ждет меня там кто-то. Да, мне пятьдесят лет? И что теперь только дома сидеть и смотреть телевизор вечерами, а по субботам к полоумной мамаше в деревню ездить. Да мне не интересно это, понимаешь? Меня достала уже эта работа, был бы нормальный мужик рядом, да я сроду сюда больше бы не пришла.

– Странная ты женщина, Клара, никогда я тебя не понимала и сейчас не пойму тоже. Родную мать в дурку, а с каким-то сопляком на курорт,– возмутилась Зоя – и давно это у вас?

– Уже семь месяцев.

– С ума сойти,– сказала Зоя, откусывая размоченное в чае печенье.

– Он очень хороший, правда. Я и сама сопротивлялась сначала, но потом решила, будь что будет. Купила новое платье и пригласила его к себе в гости. Так все и закрутилось. Он с родителями в двухкомнатной квартире живет, там у них еще его сестра с мужем и ребенком, так что никакого личного пространства. А он читать любит. Такой умный, что я по сравнению с ним чувствую себя полной дурой, представляешь?– глаза Клары Филипповны горели от сча-

стья, а улыбка омолаживала ее уставшее, чуть изрезанное морщинами лицо,— ну а для матери я и так много чего делала и все равно плохой была всегда.

– Странно это все,— ответила Зоя.

– Неудивительно. Никто не понимает. Да только мне плевать. Я так от всего устала, забыла, что я женщина, пахала, мучилась с этими идиотами, все выходные и праздники одна сидела как прокаженная. Так что, сколько мне отмерено с ним прожить, столько и проживу.

– А в Егорово зачем поехала?

– Это я ему подарок на день рождения сделала,— гордо сказала Клара Филипповна

– Да уж,— заметила Зоя,— я думала, что такое только в плохих книгах пишут, а оказывается, в жизни тоже бывает.

– Я тоже так думала. Но как видишь, случается.— Клара Филипповна на какое-то мгновение погрузилась в воспоминания о прошедшем отпуске, уставившись в окно.

– Как мама себя чувствует?— поинтересовалась Зоя.

– А что с ней будет, лежит себе, возмущается, просит, чтобы я домой ее забрала.

– Заберешь?

– Нет. Не заберу. Слава теперь у меня живет, переехал сразу, как мы вернулись из Егорово. Без него я уже не смогу. А маме и здесь плохо, и дома будет плохо, так что для нее нет разницы, где лежать целыми днями и ругаться, а для меня есть.

– Может, не надо было дом продавать? Жила бы себе там спокойно. Она ведь привыкла жить одна, а тут шум, гам, больные кричат.

– Мне так спокойней, пусть лежит. А дом я специально продала, когда задумала Славку в отпуск свозить. Денег у меня таких не было, вот я и решила мать сюда перевезти, а на полученные деньги устроить нам медовый месяц. Надоело мне быть хорошей и одинокой, думать обо всех, а обо мне кто подумает? Никто! Так что, Зоя, все, что ни делается, все к лучшему. Зато я теперь счастливая и довольная, и всем хорошо,— весело сказала Клара Филипповна и встала из-за стола,— пойду работать. Ты только не рассказывай никому про это, хорошо, а то будут болтать.

– Интересная у тебя получается любовь, очень интересная,— спокойно сказала Зоя.

– Да, Зоя, интересная! Какая никакая, а есть, это ты все одна живешь, и никто тебе не нужен, а мне вот нужен, я еще хочу жить!— сказала Клара Филипповна и вышла из кабинета.

Зоя тоже направилась в палаты. Воздух в больнице был наполнен запахом лекарств и человеческих страданий. Она весь день будет думать над тем, что рассказала ей Клара Филипповна. Работая с двадцати трех лет в психоневрологическом диспансере медсестрой, она уже привыкла к жестокости и черствости, но иногда что-то все же задевало ее душу. Маленькая, худенькая девушка с длинными светлыми волосами, как правило, собранными в тугий пучок на затылке, находилась здесь только физически, мысли же ее были совсем в другом мире, более для нее приятном и совершенно недоступном ее физическому телу. Когда-то, окончив медицинское училище, она пришла сюда на лето, поработать, но уйти уже не смогла.

Конец. Скучаю. Играете? Конечно позвоню. Выход

Рабочая смена закончилась, как обычно, в восемь вечера. Зоя, выйдя из больницы, мечтала скорей оказаться дома. Жила она недалеко от работы и никогда не пользовалась общественным транспортом. Ей нужно было держать ноги в тонусе, никаких поблажек и никакого отдыха, разминка с утра и разминка вечером. У ворот диспансера обычно стояла маленькая сухонькая старушонка и просила милостыню, тихая, практически незаметная, она, опустив голову, вытягивала правую руку вперед. Выходя с работы, Зоя как всегда дала ей мелочь, что была в карманах, старушка же безмолвно поклонилась, не поднимая головы.

– Зой, привет!– высокий молодой человек окликнул девушку.

– Ой, Данька, привет! Ты ждешь меня что ли?– сказала она, остановившись рядом.

– Ага. Ты долго сегодня.

– Задержали. Больных много. А ты как?

– Хорошо. У меня все в порядке,– он смотрел в ее распахнутые глаза, которые снятся ему каждую ночь.

– Звонил мне?

– Звонил. Но телефон у тебя не работает.

– Да, я им не пользуюсь. Зачем мне телефон, на работе есть, мне хватает,– переминаясь с ноги на ногу, сказала Зоя.

– Пошли?

– Пошли,– с улыбкой на лице согласилась она и, взяв молодого человека под руку, зашагала вместе с ним в сторону своего дома. Толпы людей обгоняли их, иногда задевая плечом. В этом городе всегда было пасмурно, зимой белый пушистый снег за час превращался в серо-черное месиво из-за машин, людей, копоти заводов и фабрик. Ничего светлого и чистого, только единичные души горожан, да и те в маленьком количестве.

– Сегодня столько привезли больных, даже не присела, слава Богу, хоть буйных не было.

– Я так скучаю по тебе,– шагая вперед и не поворачиваясь к Зое, сказал молодой человек.

– Дань, а ты уезжал что ли?

– Ага. К родственникам ездил и по работе. Я все время о тебе думал, каждый день. Ты совсем не изменилась.

– Ну что ты,– возразила Зоя,– просто в пальто не видно. Я занимаюсь сейчас мало, ленюсь. Стала поправляться. Но со следующей недели снова беру себя в руки и никаких поблажек. У меня отпуск намечается, вот и буду заниматься. Так что все как обычно,– она улыбнулась и посмотрела на своего спутника,– ты– то как? Не женился?

– Нет. Не женился. Я думал об этом, но ничего не получается. Ты же знаешь, что я...

– Прости,– перебила его Зоя,– я хотела сегодня после работы зайти в баню на фабрике, у нас воды третий день нет.

– А, ну конечно. Конечно иди,– они остановились, и он снова посмотрел в ее голубые глаза.

– Ты звони если что, хорошо?– спеша отвязаться, сказала Зоя.

– Конечно, позвоню. Только ты телефон включи, обещаешь? А то у меня нет твоего рабочего номера.

– Обещаю!– Зоя улыбнулась и быстро перешла на другую сторону улицы. Молодой человек продолжал стоять и смотреть на стремительно уходящую девушку, отметив для себя, что она все такая же. Проводив ее взглядом до поворота, он медленно побрел обратно. Свет фонаря отбросил тень молодого человека, вытянутый силуэт которого шел впереди. Бесконечным потоком ему навстречу шагали люди, машины неслись рядом, а маленькая, ссутулившаяся старушонка так и стояла у входа в диспансер, протягивая свою тоненькую руку. Заметим ее,

молодой человек достал из кармана мелочь и, подойдя, высыпал в хрупкую старушечью ладонь. Она, молча, поклонилась ему вслед, а его вытянутый силуэт погрузился в темноту слабо освещенной улицы.

Зоя, конечно же, не собиралась идти ни в какую баню, хоть воду в ее квартире действительно отключили. Просто меньше всего ей сейчас хотелось вести беседы с человеком, с которым она попрощалась навсегда еще год назад. Холод на улице и давно намеченная встреча заставляли ее ускорить шаг. Извилистыми старыми улицами Зоя шла по городу, мозг не фиксировал то, что было вокруг нее; машины, люди, голоса, шум города – все это было где-то далеко. Какими-то своими туннелями она передвигалась в пространстве, заполненном другими звуками и запахами. В любом месте, на работе или в магазине, да где бы она не находилась, при любой возможности она уходила в свой туннель, вход в который был разрешен только ей одной. Именно там она жила и радовалась, работала и проводила все свое свободное время, общалась с интересными людьми и была довольна собой. Хромая на правую ногу после неудачного падения много лет назад, Зоя стремилась домой, и уже через десять минут, свернув с дороги в арку, она была у старого, пятиэтажного, еще дореволюционной постройки здания, спрятавшегося в маленьком проулочке. У неосвещенного подъезда виднелась фигура человека, это был ее педагог по классическому танцу Амбросимов Игорь Станиславович, с которым она дружила уже много лет. Пожилой человек поддерживал Зою все годы после того, как она получила травму, несовместимую с балетом.

– Здравствуйте, Игорь Станиславович!– с нескрываемой радостью подлетела к нему Зоя.

– Зоинька, здравствуйте!– улыбаясь, сказал высокий пожилой человек и поцеловал ее в покрасневшую от мороза щеку.

– Давно ждете меня?– открывая подъездную дверь, спросила Зоя.

– Нет, только подошел,– ответил он, входя в подъезд. Зоина квартира находилась на первом этаже, окна были надежно укреплены железными решетками, такими же, как в диспансере.

– Задержали сегодня на работе, я бежала со всех ног, боялась опоздать,– они вошли в квартиру, и в нос сразу ударил запах жареной курицы. Громкие разговоры на кухне, странные речи, к которым Зоя давно привыкла, и снова выкрученная в прихожей лампочка дали ей понять, что никогда не прекращающееся веселье сейчас в самом разгаре. Открыв большой навесной замок на двери, Зоя отошла в сторону и предложила Игорю Станиславовичу войти.– Проходите,– стараясь не привлечь к себе внимание соседей, тихо сказала она. Мужчина вошел в комнату, Зоя вошла вслед за ним и закрыла дверь на черный железный крючок. Шум и разговоры слышались и здесь. Её комната была первой от кухни, именно по этой причине все, что происходило рядом, она невольно слышала, но недолго, здесь, на ее планете, кипела другая жизнь, заглушающая все, что было снаружи. Другие законы, другие источники света освещали это пространство, личности планетарного масштаба окружали ее, учили, направляли, не давая никакой надежды хоть когда-нибудь возвращаться по тем же орбитам, что и они.

– Раздевайтесь. Давайте ваше пальто,– Зоя подхватила пальто пожилого мужчины и повесила его на вбитый во входную дверь гвоздь. Пожилой человек разулся и прошел к стоящему в противоположной стороне комнаты пианино, пока Зоя снимала с себя верхнюю одежду.

– Играете?– обратился он к Зое.

– Конечно! Каждый вечер! Развлекаю себя Чайковским, – сказала она, стоя у зеркала и причесывая свои длинные светлые волосы,– могу потом сыграть вам что-нибудь. Что захотите.

– Вы просто молодец, Зоинька, восхищаюсь вашей любовью к музыке и ко всему прекрасному. Едва ли сейчас встретишь столь увлеченного молодого человека, как вы. Причем искренне, полностью, без остатка. Для вас и подобных вам великие композиторы создавали

свои произведения,— стоя у открытого пианино и рассматривая комнату, говорил пожилой человек в старом, темно-зеленом вязаном свитере.

– Присаживайтесь на диван, у меня для вас сюрприз,— сказала Зоя, надев домашние тапочки и подойдя к проигрывателю,— Рикардо Дриго, «Талисман»,— с детской радостью показала она купленную недавно пластинку.

– Покажите-ка,— присев на небольшой, обтянутый синей тканью диван с давно протертыми подлокотниками, сказал Игорь Станиславович. Зоя протянула ему пластинку, и он с интересом взял ее в руки, черную с красной бумажной серединкой,— Какая старая, где же вы ее достали?

– Купила у одного знакомого коллекционера. Два месяца упрашивала его продать мне эту редкость, отдала даже несколько открыток с изображением Марики Безобразовой тысяча девятьсот тридцать седьмого года, купленные когда-то по переписке у престарелого антиквара. И теперь каждый вечер в моей комнате старый проигрыватель воспроизводит легкие, романтические звуки музыки Дриго,— с улыбкой на лице сказала она. Зоино настроение было как никогда хорошее, хотелось шутить, смеяться и радоваться жизни,— могу дать вам ее послушать,— предложила она.

– Интересно. Возьму на недельку, спасибо,— он вертел ее в руках, разглядывая с обеих сторон.

– Я буду готовить нам с вами чай, а вы пока рассказывайте, как ваши дела,— подойдя к маленькой плитке, она включила электрическую конфорку и поставила на нее чайник. В деревянном шкафчике со стеклянными дверцами, висевшем рядом с плиткой, стоял чайный сервиз, расписанный золотом и несколько, с таким же узором, тарелок.

– Да что вам рассказать, Зоинька. Какие у меня могут быть новости, служу в театре, воюю с бездельниками, а они со мной. Кому теперь нужна дисциплина, приходят заниматься с похмелья, курят без конца, разве это балет. Это Зоинька – балаган,— рассказывал он и рассматривал развешанные на стенах фотографии известных танцовщиков. Несколько афиш местного театра оперы и балета украсили собой стену у входной двери,— про себя расскажите, как выживаете? Как настроение?

– Нормально. У меня все в порядке,— сказала Зоя, поставив две пустые чайные чашки с блюдцами на маленький деревянный столик у дивана, украшенный белой кружевной салфеткой.— Тржусь в больнице, будь она неладна, никаких нет уже сил и желания, но делать нечего, хожу, ставлю уколы, капельницы и делаю вид, что все это мне нравится.

– Да уж, Зоинька, такой вы человек. Приносите пользу людям, заботитесь о них, совсем никому не нужных,— рассуждал он с грустью в глазах. Игорь Станиславович когда-то, еще во времена своей молодости был женат, но, прожив десять лет в браке, развелся и с тех пор жил один в небольшой однокомнатной квартире рядом с театром, в котором прослужил всю свою жизнь.

– Согласна, никому они не нужны, больные и обезумевшие,— сказала Зоя, выкладывая в миниатюрную хрустальную вазу вишневое варенье,— сдают даже здоровых, такое сейчас время. Я стараюсь не думать обо всем этом, абстрагироваться, но иногда хочется криком кричать от того, что делают люди, да только никто эти крики не услышит.

– Гнилые люди, Зоинька, совершают гнилые поступки, зародившиеся в их искалеченном плотскими мыслями мозгу.

– Это точно,— согласилась она, поставив на стол вазу с вареньем. Протянув руку и дернув за короткую металлическую цепочку с шариком на конце, Зоя включила торшер, стоявший рядом с диваном, и отошла к проигрывателю,— сейчас будем пить чай, черный, с имбирем, согреемся с мороза. А чтобы было веселей, послушаем пластинку, которую я вам показывала,— Зоя включила старый проигрыватель, и тихо, еле слышно, музыка Дриго растеклась по комнате.

– Это было бы здорово. Очень я люблю к вам приходить. Мне ваша комната всегда напоминала гримерку в театре. Так же все обклеено афишами, фотографиями, разными картинками. Мы раньше любили собираться в чьей-нибудь гримерке после спектакля, включить музыку, выпить чаю, а чаще и напитки гораздо крепче. Выпьем, посмеемся, обсудим все. Время было золотое. Молодое,– погрузившись в воспоминания, с улыбкой сказал Игорь Станиславович,– вот и у вас, все как в театре.

– Ага,– взяв в руки вскипевший чайник и присев к столу, сказала Зоя,– у меня тут свой театр, репетирую утром, потом вечером у станка, слава Богу комната большая, есть где заниматься, только спектакли пока не провожу. Жду, когда пригласят в театр. Я им покажу, как нужно танцевать,– игриво, с улыбкой на лице сказала Зоя.

– Тут вы правы, дорогая моя, многим в нашем театре не помешало бы учиться у вас, а некоторым уже и учиться бесполезно, лучше заняться чем-нибудь другим.

– Ну, рассказывайте,– наполняя чашки, сказала Зоя.

– Что вам рассказать, дорогая моя,– спросил Игорь Станиславович.

– Вы поговорили насчет меня с Зориным?

– Я поговорил, да.

– И что?– ей так не терпелось узнать результат, что каждая секунда казалась сейчас настоящей пыткой. Игорь Станиславович обещал поговорить с художественным руководителем театра оперы и балета Зориным о Зое и договориться о просмотре.

– Как я и предполагал, Зорин сказал, что театру сейчас не требуются балерины, штат и так переполнен.

– Ну как же так,– возмутилась Зоя,– почему он не хочет просто посмотреть меня, это же ничего не значит!

– Я просил, но вы же знаете, что меня там уже никто не слушает. Я разговаривал с Зориным, рассказывал, как для вас это важно, что вы отлично танцуете, просил посмотреть вас, но он меня не услышал. Зоинька, Бог с ними, у меня есть для вас отличное предложение, через месяц в доме культуры железнодорожников организуется концерт, вы не хотели бы сыграть там что-нибудь из Чайковского или Рахманинова, что угодно, на ваш вкус,– он пытался подобрать слова, интонацию, даже придумал этот концерт, только бы она не расстраивалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.